

Галина Гончарова

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ. ПЕРВЫЕ УРОКИ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ. ДОМАШНЯЯ РАБОТА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Галина Гончарова

Средневековая история.
Домашняя работа

Фэнтези • Интриги • Приключения

Роман

 Москва, 2014
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г65

Серия основана в 2011 году
Выпуск 113

Художник
А. Клепаков

Гончарова Г.

Г65 Средневековая история. Домашняя работа: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 311 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1774-2

Нет ни минуты покоя ее сиятельству графине Лилиан Иртон, некогда студентке-медику. Не успела домой вернуться — как кошмар начинается. Падчерица приехала и скандалы закатывает. Убийцы страшные бегают. Работорговцы пожаловали в гости. Сосед опять же подозрительный заявился. Королевский доверенный за каждым шагом следит. И со всем этим как-то надо справляться! Ну что ж... такая работа.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1774-2

© Галина Гончарова, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Но истые пловцы — те, что плывут без цели:
Плывущие, чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: — Вперед!...
О ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас лихорадка бьет, как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.

Ш. Бодлер. Плавание

ГЛАВА 1

О родственниках можно и нужно сказать многое... а то на бумаге цензура вымарает!

Любить детей?

Вот в этом Лиля весьма сомневалась. Да и стоит ли заводить своих? Или у них с Лешкой было бы что поприличнее?

Может, и так.

Миранда Кэтрин Иртон на первый взгляд была очаровательным ребенком.

Темноволосая, синеглазая, чуть полноватая, с дыркой на месте одного из молочных зубов...

Мачеху она явно авторитетом не считала, любовью не дарила и слушаться не собиралась. Это выяснилось ровно через десять минут после приезда. Когда по коридорам полетело одурелое: «Не хочу!!!»

Покои, которые ей отвели, ребенку не понравились.

И Мэри примчалась к хозяйке с вопросом: что делать?

Лилия пожала плечами и предложила дать ребенку возможность выбрать самостоятельно. Что же выбрала маленькая паршивка?

Правильно.

Комнаты графини Иртон.

То есть те, в которых жила сама Лилия. А это женщину как раз не устраивало.

Ей и самой было удобно. И переезжать пока не хотелось.

Она постаралась облагородить свои комнаты. Убрать розовое, отполировать полы, законопатить щели... Справедливости ради, те же работы велись по всему замку под строгим присмотром вирман, Эммы и самой Лили.

Но это же не повод потакать малявке?

Лиля послушала испуганную Мэри и коротко распорядилась:

— Подайте молодой графине таз для умывания и пусть спускается в столовую. Ужин готов?

— Да, ваше сиятельство.

— И что у нас?

— Овощи. Как вы распорядились — печеная... кар... кор...

— Картошечка.

— Да, ваше сиятельство. Отварное мясо. Зелень и фрукты.

— Отлично.

Лиля планировала устроить небольшой ужин для тех, кого хотела сделать своей командой. Но пока — рано. Слишком рано. Да и малявка ей обедню постарается испортить. Скорее всего.

Все для этого сделает.

В этом Лиля убедилась, когда увидела Миранду Кэтрин Иртон за столом.

Мелкая заняла графское кресло и смотрела оттуда с вызовом. Пыталась. Но из-за массивного стола виднелись только глаза и уши, что безусловно портило вид.

Лиля даже и не подумала останавливаться или менять курс. Она спокойно прошла к креслу в сопровождении вирман.

Не можешь использовать то, чего нет? Используй то, что есть. Например, когда ты большая, а оппонент — маленький. Когда ты в сопровождении свиты, а ребенок только в сопровождении кормилицы, которая подозрительно бледнеет при виде обвешанных оружием воинов.

Некрасиво?

А почему?

Даже Макаренко сначала своих беспризорников выдрал, а потом уже воспитал. И скажите, что это неправильно.

Тем более капризная соплюшка. Наглая и избалованная. Себя только стоит вспомнить. То есть Лилиан Брокленд.

Алевтине-то Скороленок сие было неведомо. Не до капризов. Выжить бы.

Так что Лиля поглядела на ребенка с явным пренебрежением. Потом подняла маленькое личико за подбородок. Пригляделась.

Принюхалась.

Не мылась.

Отлично!

Чтобы приручить ребенка, надо его сначала смутить и удивить.

— И что же это мы видим? Вами трубы чистили, ваше сиятельство?

Миранда только глазами хлопнула. Дернула головой, но Лиля держала крепко.

— Н-нет...

— И пахнет, как из выгребной ямы. Как вы думаете, это достойно графини?

Девочка оказалась в замешательстве. Если бы ее начали ругать, она бы поняла. Но холодная ирония — это было для нее в новинку. Так с ней никто не разговаривал. Ни родные, ни отец.

Скандалить тоже не получалось. Вирмане смотрели весьма недружелюбно. И на лицах читалось, что всем плевать на ее титул. А кое-кому даже два раза. Уши надерут. Или отшлепают. Пару раз с девочкой такое случалось, когда она доводила отца. И Миранда предпочитала не скандалить в его присутствии. Такие вещи дети понимают быстро.

— Н-нет...

— Вот именно. Поэтому я отложу ужин на то время, которое вам потребуется, чтобы привести себя в порядок. Вы — графиня. И должны выглядеть соответственно. Вы знаете, что такое графский титул?

Миранда хлопнула глазами. И Лиля продолжила:

— Это значит, что вы должны быть примером, опорой и защитой для живущих на ваших землях. А вы даже умыться не можете. Стыдитесь, госпожа...

Миранда была растеряна. Ошарашена. И Лиля подумала, что первую схватку она выиграла. Но далеко не войну.

И кивнула маячившей в дверях Эмме:

— Быстренько, помогите графине Иртон умыться. И обязательно помыть руки.

Миранда повиновалась. Лиля уселась в освободившееся кресло и подумала, что ей придется приложить массу усилий, чтобы приручить этого детеныша.

А приручать надо.

Зачем?

Ну если романтично и лирично, — это ребенок. Оставшийся один, в чужом месте, беспомощный. Тут же жалость и инстинкт продолжения рода.

Это о романтике.

А если о практике?

Миранда — это еще и инструмент управления ее отцом. Может, жену Джерисон Иртон и не любит. Но дочь...

Дочь он любить должен. Или нет?

Лиля потеряла виски. Память ей ничего не говорила. Надо пошептаться на эту тему с Эммой. Пусть поговорит с прибывшими слугами. А потом перескажет ей последние сплетни.

Миранда появилась умытая и явно опомнившаяся. И определенно собралась устроить скандал. Но Лиля опять не дала ей начать.

— Вы любите печеный картофель, ваше сиятельство?

— Что?

— Печеное земляное яблоко. — Лиля улыбалась. — Сегодня у нас на ужин этот овощ.

— Я... я хочу сидеть там!

Пальчик указал на место графини.

Лиля пожала плечами и пересела.

Миранда опустила в кресло. И жалобно пискнула.

Лиля буквально три минуты назад приказала убрать отсюда все подушки. В результате над столом и носа видно не было.

— Урок второй, — произнесла спокойно Лиля. — Прежде чем что-то требовать, подумай, как ты с этим справишься.

— Ты это нарочно?

— Разумеется. Но ведь и ты хотела устроить скандал, разве нет?

Миранда засопела. Но крыть было нечем. Эта странная

тетка была не такой, как остальные взрослые. Не орала, не ругалась, не топала ногами, не упрасивала — она не укладывалась в знакомые модели поведения. И Миранда прибегла к безотказному оружию.

Она заплакала.

Лиля посмотрела на маленькое личико, по которому катились слезы. Сейчас бы поцеловать мелкую, вытереть слезинки и все разрешить... Нельзя.

На шею сядет.

Поэтому Лириан Иртон прищелкнула пальцами и распорядилась появившейся Илоне:

— Мне подавайте ужин, а юной графине Иртон — луковичу. Нечищеную.

Любопытство взяло верх. Распорядись Лиля пятью минутами позже, когда Миранда загнала бы себя в истерику, и ничего бы не вышло. Но пока еще...

— З-зачем?

— Чтобы ты плакала подольше. А то крокодиловы слезы быстро заканчиваются.

— Чьи слезы?

— Крокодиловы. А ты не знаешь, кто это такой?

Миранда мотнула головой.

— Тогда слушай. Пока нам будут подавать ужин, я расскажу тебе.

И Лиля рассказывала. Про крокодила. Про то, как он обливается слезами, когда глотает добычу. Про птичку, которая чистила ему зубы, про слоненка, которому крокодил вытянул нос... Сказки Киплинга пригодились...

Миранда слушала с открытым ртом. Ей обычно рассказывали про прекрасных дам и рыцарей... Но слоны? Крокодилы?

Это было совершенно новое, а значит, вдвойне интереснее. И рассказывала Лиля интересно. И картошка была вкусная. И даже использование столовых приборов (графиня должна уметь кушать красиво, тем более такая красивая, правда?) прошло как-то незамеченным...

А после ужина Лиля сама (тяжело, но надо) отнесла Миранду в ее комнату, посидела рядом, пока девочка засыпала, и даже спела колыбельную.

Ту самую, что пела ей в детстве мама.

«Лунные поляны... ночь, как день светла...»

Даже если она чуть-чуть фальшивит, кто это заметит? Тем более здесь.

Миранда так и уснула, цепляясь за руку женщины. Лиля осторожно высвободила запястье из детских пальцев и подумала, что надо бы малышке что-то пошить. Или связать. Мягкие игрушки она тоже делать умела. Подумаешь, какие мелочи.

Миранда Кэтрин Иртон.

Что ж, девочка...

Нам предстоит зимовать вместе. И к весне ты не будешь во мне души чаять. Как и в родном отце. А пока — спать.

Надо бы выспаться. Завтра тяжелый день.

Утро началось с того, что Лиле приснился слон. Он сидел у нее на груди и человеческим голосом спрашивал: «Заплатила ли ты налоги, дитя мое?»

Женщина дернулась и открыла глаза.

Оказалось, что это не слон.

Миранда Кэтрин Иртон.

— А я уже встала. А ты все спишь!

Произнесено это было таким тоном...

Лиля посмотрела в окно. Там было еще темновато. И как-то холодновато. Да и ребенок...

В одной ночнушке! По средневековому морозильнику!

— Рехнулась?! — возмутилась женщина, утаскивая мелкую под одеяло, как ее саму когда-то мама.

— Что?

Миранда была слегка придушена, пощечена и крепко поцелована в нос.

— То! Босиком, на каменном полу, ноги ледяные... А где нянька?

— Она спит. А я решила...

— Замерзнуть и заболеть. — Лиля цапнула мелкую за кончик носа. — А ну, лежать смирно!

— А ты мне еще сказку расскажешь?

Лиля выдохнула. Диагноз ясен.

Проснулась среди ночи. Нянька спит. Надо исследовать дом. А что у нас рядом? А спальня графини Иртон. Потому

как малышку пока поселили в спальне графа. И они соединяются дверью.

Ну и вот результат.

— Расскажу. Если твердо мне пообещаешь бегать по холлодному полу хотя бы в носках.

— Но...

— Или позвать меня.

— Но если я заговорю, Кальма проснется...

— Кальма — это няня?

— Няня.

— А если мы повесим колокольчики?

— Какие?

— Один у тебя, второй у меня. И соединим их веревочкой. Будешь мне звонить, когда захочешь, чтобы я пришла. А я — тебе. Хочешь?

Ребенок точно хотел.

Лиля улыбнулась.

— Тогда завтра сходим к кузнецу и закажем.

А заодно обсудим кучу всего необходимого. Да и к кузнецу мне надо. А вот чтобы ты вмешивалась в дела замка, на что имеешь право, — не надо. Это ни к чему. Власти-то над тобой нет, только я...

Лучше будь под присмотром.

Миранда приткнулась женщине под бочок.

— Ска-а-азку...

Лиля взъерошила ей волосы. В голову ничего не лезло. Хотя...

— Я расскажу тебе про то, как появились броненосцы.

— А кто это?

— Это такие зверушки.

И мысленно поблагодарила «англичанку», которая учила их по сказкам Киплинга. Жаль, здесь этот язык не пригодится. Или попробовать обучить ему вирман? Или ту же Миранду?

Размышления совершенно не мешали Лиле рассказывать сказку. Язык молол отдельно от тела. И Миранда быстро пригелась, заспела и уснула на плече Лили, как котенок.

Громоздкое имя...

Лиля погладила девочку по голове.

Миранда Кэтрин Иртон.

Мири... Мари... нет как-то не то... Кэtti-китти-кэт?
Будешь Кисой. Или Мири.

Надо же тебя как-то сокращать, маленькая, раз уж тебя сюда отправили.

Лиля устроилась поудобнее и тоже уснула.

Утро началось несладко. Воплями кормилицы, которая потеряла свою деточку. Разумеется, заглянуть к Лиле никто не догадался. И ор продолжался минут десять. Пока женщина не плюнула на все и не вылезла из постели.

Прошлепала к двери в графскую опочивальню (Срочно! Изобрести тапочки!!!) и зашипела гадюкой:

— Молчать!!!

Услышали не сразу. Но заткнулись все-таки быстро. Графиня с утра была зрелищем своеобразным. Этаким мамонт в розовой рубашке с весьма недружелюбным выражением лица.

— Вы мне ребенка разбудите!

— Госпожа, так она у вас?!

Кормилица бросилась в спальню к графине. Ага, размечталась...

Лиля перекрыла проход так, что даже микроб не прошел бы. Пока она еще полная, почему бы это не использовать?

— Ты далеко ли собралась, голубушка?

— Ва...ваше сиятельство?

Голос Лили был угрожающим:

— Ты посмотри на себя. Волосы нечесаны, тряпки нестираны, морда грязная, под ногтями репу сеять нужно, и ты думаешь, что я тебя к ребенку подпущу? Изволь вымыться. А потом приходи.

Кормилица слегка дрогнула:

— Мне господин сказал быть при маленькой госпоже...

— А большая госпожа тебе приказывает привести себя в порядок. А потом уже быть. Обратишься к Эмме, она тебе покажет, где у нас моются.

— Ваше сиятельство, но пастор говорит, что мытье...

— Вредно. И пусть говорит. Я твою вонь терпеть не желаю. Не вымоешься — выгоню. Пинками. Поняла?

Кормилица вспыхнула. И собралась разразиться гневной речью.

Лиля прищурилась и развила тему:

— Ты на меня, конечно, можешь графу пожаловаться. Только я графиня. А таких, как ты, сотню нанять можно! — и на язык вдруг вылезло бессмертное филатовское: — «Ты сама, дуреха, взвесь. Он-то там. А ты-то здесь».

И дальше уже без классики:

— А граф далеко. Пока ты до него доберешься, много времени пройдет. И доберешься ли в ближайший год? И ребенка ты упустила... Что за нянька, от которой дите сбежало, а она проспала? Да тебя пороть мало! На конюшне!

Кормилица побледнела.

— Выпорю и выгоню! И ни провожатых, ни сопровождающих не дам. Выгоню — и проваливай. Вирмане даже пинка для скорости дадут.

Судя по лицу кормилицы, она все поняла, осознала и готова была мыться и стричься. Даже налысо.

Лиля развернулась к своей комнате.

— Миранда у меня. Мы с ней позавтракаем и отправимся гулять по поместью.

— Госпожа, а учитель...

— Учитель?

Лиля поставила ушки торчком. И узнала, что его сиятельство отправил с дочкой аж троих учителей. Одного — танцев и этикета. Второго — математики и письма. И третьего — истории и литературы. Примерно так.

Лиля хищно потеряла лапки.

То, что надо!

— Это правильно, ребенка учить надо. Я сама посмотрю, чему ее там учат.

И сама поучусь. Лиля подумала, что, окажись рядом муж, она бы его на радостях даже пинать не стала. Ну так, немножко. Все-таки хорошее дело сделал!

— Госпожа...

— Мыться, стираться и не орать. К завтраку мы с маленькой спустимся. И надо посмотреть, что у нее есть на зиму, сама понимаешь. Здесь холодно, а мне не хочется, чтобы ребенок болел.

Лиля развернулась и ушла к себе. Посмотрела на маленькую девочку, которая уютно свернулась клубочком.

И что же мне с тобой делать, Миранда Кэтрин Иртон?

Лиля выглянула за дверь и попросила вирман, стоящих на карауле, кликнуть служанку.

Но вместо служанки появилась Эмма. Лиля подняла брови.

— А где Марсия? Или Ирэна? Мэри?

— Ваше сиятельство, мне хотелось бы с вами поговорить...

Лиля кивнула, опустив ресницы.

— Распорядись, чтобы мне воды погрели умыться, и поговорим.

— Стоит, греется...

— Отлично.

— Ваше сиятельство, я ведь вам больше не нужна?

— Разве?

— У вас столько помощников, столько новых людей...

Лиля улыбнулась и потрепала Эмму по плечу.

— Эмма, милая, ты мне нужна. Я сама не управлюсь с Иртоном. А кто лучше тебя может распорядиться в замке? Поместьем я управлять буду. Но дома... Ты знаешь мои вкусы, знаешь, что мне нравится, знаешь, кто будет работать и кто в чем хорош... Мне нужна домоправительница. Очень.

— Домоправительница?

— Эмма, тебе тяжело будет распоряжаться старостами, ты же понимаешь.

Судя по глазам женщины, она не ожидала, что и Лиля это понимает. Но...

— Поэтому дом ляжет на твои плечи. Скоро сюда придут еще вирмане. Вот и подумай. Разместить, накормить, обшить и обстирать... С ними будут женщины, и их надо будет тоже приставить к делу. И дети... Хлопот у нас будет полон рот. Так что я официально назначаю тебя домоправительницей. Дам тебе ключи от кладовок, и распоряжайся.

Эмма упала на колени:

— Ваше сиятельство, да я... вы...

По лицу женщины катились слезы.

Лиля только чертыхнулась про себя. Феодализм, чтоб его!

Пришлось поднять Эмму с колен, усадить на кровать и погладить по волосам.

— Эмма, милая, для начала разместить всех, кто уже есть. И поговори с Иваром — это старший у вирман. Он тебе скажет, кого, куда и как. Сколько прибудет, что нужно...

— Ваше сиятельство, пастор говорит, что вирмане — дикари бездушные.

Лиля фыркнула.

— С пастором я поговорю. Кстати, когда у нас тут служба?

Оказалось, уже завтра. И Лиля решила, что надо сходить. И малявку с собой взять. При ней пастор определенно будет благодуще... наверное. Или можно ее выпустить как средство отвлечения?

Лиля решила подумать об этом вечером. А пока...

— Воду, одеться и позови ко мне Марсию, хорошо?

Эмма закивала и помчалась исполнять приказания. Судя по ее глазам, за Лилию она готова была в огонь и в воду. И женщина подумала, что все сделала правильно.

С одной стороны, Эмма при деле. Управлять домом она точно сумеет. А вот поместье ей не под силу. Слушаться ее не будут. И приказы исполнят через пень-колоду. Ну кто она для крестьян? Вдова управляющего. И то — прошлого. И любить ее особо не за что...

Подумав об управляющем, Лиля покусала ноготь на большом пальце.

Дурная привычка, да. Но иногда прорезается.

Где-то она крупно лажанулась. Вот представьте себе — вы управляете поместьем. И вас на ночь глядя выставляют за ворота. Вы уходите, и ваш труп на рассвете находят в лесу.

При этом Эдор ведь не спорил, не пытался попросить повозку или что там... Он просто взвалил на плечи сколько влезло...

Что это может значить?

Да только одно: *Ему было куда пойти. И к кому.*

У него стопроцентно были сообщники. Но кто?

А черт его знает! Теперь уже не выяснишь, пока сами не вылезут. Секреты — они и в деревне бывают, хотя там их сбегать на порядок сложнее, чем в городе. Нет, ну кто?! Кто?!

Знать — надо. Лиля не собиралась пока что-то предпринимать. Но сильно подозревала, что сволочь, отлученная от кормушки, способна на гадости. Да еще как способна!

Так что надо быть осторожнее.

Убить могут?

А черт знает.

С одной стороны — графиня. Если тронешь — тут такое устроят...

С другой стороны — несчастный случай, он всегда проходил. Тем более, супругу она параллельна, отец... вот отец...

Так. Сегодня у нас кузнец, и обязательно надо перекопать все бумаги. Надо бы и раньше, но читала Лиля откровенно плохо. Да и...

Не подумала. Вот честно — не подумала. Хотя и знала, что бумаги — это основа миропорядка. Кстати, а тут она может бумагу сделать? Чтобы не на бересте или пергаменте каждый раз писать?

Та-ак.

Бумагу делают из целлюлозы. Целлюлоза — это дерево. А можно чем-то заменить деревья? Восполняемым ресурсом?

Надо бы подумать и вспомнить уроки химии. Потому что деревья жалко. Да, на дрова уходит много. Но на бюрократию будет уходить на порядок больше.

Нет, леса она вырубать не даст.

Надо сидеть и вспоминать.

На ярмарке Лиля купила несколько десятков свитков пергамента. Не говоря уже о прорве бересты. И намеревалась записывать все, что необходимо.

В первую очередь все, что она помнит из медицины. А потом — химия, биология, ботаника... Да уж найдется что вспомнить.

Как Лиля радовалась, что она — не блатная дура. Такие в вузах тоже были. И знания их стремились к нулю. А она учила в свое время не за страх, а за совесть. Потому и помнит что-то. Да и медицину она долбила как дятел. До автоматизма. Ночью разбуди — ответила бы. Все, от строения скелета до названий хирургических инструментов.

И сейчас собиралась все это записать. Мало ли что.

Да и та же химия. Кто знает, как она зубрила неорганику? Ей это как раз плохо давалось, и она пару лет не расставалась с учебниками. Вот анатомия — вопрос другой. Там все было просто, привычно и понятно. Зоология — хуже, хотя число шейных позвонков у попугая она до сих пор помнила. Зоолог

хороший достался, даже летом водил их на пруд, на практику, пиявок ловить...

Ботаника... тьфу! Пестики и тычинки Лиля ненавидела. Ботанику она любила практическую. То есть — садово-огородную. Генетика... надо бы не забыть.

Столько всего предстояло... с ума сойти!

А время, время...

Лиля автоматически умывалась, поворачивала голову так, чтобы Марсии удобно было расчесывать ей волосы, слушала тихое перешептывание Лидии с Ирэнной — и думала, что взваливает на себя неподъемную ношу. Ей бы в глушь и в тишь. Чтобы никого рядом не было.

Но выбора не предоставлялось. И надо сказать спасибо за то, что есть. Она ведь одна здесь не выживет.

А так...

Девочки отлично провели ночь на новом месте. Удобно устроились и были весьма благодарны. Лиля распорядилась выделить им две комнаты на троих. Больше никак. Все-таки вирмане еще...

Но девушки точно не возражали. Они удобно устроились в одной из комнат, а вторую решили отвести под мастерскую. Лиля только плечами пожала. Если хотят — пусть. Но она собиралась организовать мастерскую или в бальном зале, или в музыкальной комнате.

Девочки понятиливо покивали. И предложили Лиле одеваться.

Белая кофта типа рубашки. Зеленый жилет. Зеленая юбка.

На ноги — те же чешки с лентами вокруг щиколотки. Ну ничего, она здесь наладит приличное производство обуви!

А пока позавтракать и заниматься делом. И начать с девочек.

Лиля быстро обрисовала им производство мягкой игрушки. Саму идею. И девушки захлопали глазами.

Куклы тут были. Но... не такие.

Шить мишек-зайчиков с набивкой никто не додумался. Лиля пообещала показать, что и как, и поглядела на Миранду.

Малявка спала как сурок. Оно и понятно. Умоталась за

время дороги. Ехали-то в карете и прорву времени. Хорошо, что здесь захохотеть.

Лиля посмотрела на Лидию:

— Приглядишь за ней? Вот, на пару с Ирэнной? Хотите — поработайте тут, а как проснется, зовите меня. Хорошо?

Девочки не возражали. И Лиля отправилась завтракать.

А там ее ждал первый сюрприз. В гостиной, примыкающей к столовой, собрались шестеро человек. И все выжидающе смотрели на нее. Лиля подняла брови. Но начинать разговор не спешила. Разглядывала.

Один — явный военный. Темные волосы, серые глаза, крупное мускулистое тело, шрам на щеке. Темное платье и меч у пояса.

Вторая — женщина. Лицо лошади и выражение потомственной гримзы. Платье пышное, но шнуровка спереди. Не дворянка. Определенно.

Третий — смазливый блондинчик в голубом. Завитые локоны посыпаны чем-то белым, но аккуратно. На одежде следов нет. Смотрит томным взглядом... Бабы, наверное, млеют.

Конкуренцию ему составляет такой же смазливец, но темненький. Друг на друга они поглядывают без всякой приязни. Соперники?

И еще двое, тоже похожи друг на друга. Один — этакий бровичок в простом наряде. Серьезный взгляд, спокойная улыбка. Второй же... нет, они похожи только внешне. Уж больно у второго взгляд нехороший. Этакий калькулятор в человеческом облике. Будь это в той прошлой жизни, Лиля бы сказала: «бухгалтер». А здесь он кто?

Наконец она решила, что народ приведен в нужное состояние, и кивнула:

— Разрешаю представиться.

Первым заговорил вояка. Как она и ожидала.

— Госпожа, меня зовут Лейс Антрел. Я со своим отрядом сопровождал юную графиню до вашего замка. Если мы вам не нужны, мы готовы уехать в любой момент.

Лиля едва не фыркнула.

Не нужны?! Ребята, да вы — подарок небес!!!

Вы — противовес вирманам. Все-таки до конца я им дове-

рять никогда не буду. Вам — тоже. Но люди мне нужны. А сделать вас моими людьми — дело техники.

Или...

С другой стороны — стоп машина! Это, дорогая моя, люди твоего мужа. Тебе нужно, чтобы он узнавал о каждом твоём шаге? Или чтобы ему по приезде отчитались в красках?

Надо подумать.

— Сколько у вас людей?

— Пятнадцать человек.

— Уважаемый Лейс, после завтрака прошу ко мне в кабинет. Вы останетесь в Иртоне?

— Как решит упр... ваше сиятельство.

Оговорку Лиля заметила. М-да. Явно его предупредили, что от графини толку ноль. Всем заправляет покойный Эдор. Заправлял. Ситуация поменялась. А товарищ умный. Отпускать его или нет?

Что он может увидеть, если останется? И поладит ли он с вирманами? И что узнает супруг?

— Об этом лучше поговорить после завтрака и спокойно.

— Как прикажете, госпожа графиня.

Лиля кивнула. Остаться вояке определенно не хочется. Но если она прикажет... лучше ли будет? Или хуже?

И обратила взгляд на остальных.

Первой шагнула вперед костлявая тетка с таким выражением лица, словно до завтрака лимон зажевала. Солёный.

— Госпожа, я преподаю правила этикета юной графине. Мария Рейхарт, с вашего позволения.

Поклон был исполнен изящества.

Лиля прищурилась:

— И как, Миранде нравится ваша наука?

Кислота стала еще концентрированной.

— Юная графиня пока не понимает, что занятия ведут к ее пользе.

Лиля кивнула:

— У нее сложный возраст. Полагаю, если я поприсутствую на нескольких занятиях, она будет вести себя спокойнее.

— Вы не доверяете мне, ваше сиятельство? Я учила хорошим манерам дочь герцога Лейверского!

Лиля плавно повела рукой.

— Что вы, госпожа Рейхарт. Наоборот, я искренне хочу,

чтобы Миранда Кэтрин усвоила хорошие манеры. Полагаю, в моем присутствии она не станет шалить. И будет вас внимательно слушать. Просто уроки придется перенести на удобное нам обоим время. Вы занимаетесь каждый день?

— Да. По два часа. Но мы только начали.

— Будем продолжать.

Вслед за Марией поклонился блондин.

— Леон Альтхерт, учитель естественных наук.

— Уважаемый Леон, то же самое относится и к вашим урокам. Я буду присутствовать везде. Не в силу недоверия. Я полагаю, что граф Иртон не выбрал бы для ребенка плохих учителей. Но подумайте, если мой муж приедет и найдет дочь недостаточно образованной, он будет весьма недоволен и вами, и мной.

Третьим поклонился брюнет в лиловом:

— Дамис Рейс. Учитель истории и литературы.

И обжег таким взглядом, что Лиля едва бюст не пощупала — вдруг там уже блузка дымится? Козел!

— Отлично. Господа, попрошу вас подумать над уроками.

Мы с Мирандой будем ездить по поместью. И часть уроков будет проходить в движении.

Кажется, учителя были не слишком довольны. Но выбора им Лилия не предоставила.

И посмотрела на следующего гостя. Которого мысленно уже прозвала «калькулятором».

— Госпожа графиня, меня зовут Ширви Линдт, и я доверенный вашего мужа. У меня для вас письмо. Я должен взять отчет у управляющего. А также доложить вашему супругу о вашем состоянии.

Лилия чертыхнулась про себя.

Вот уж не ко времени! Но внешне постаралась этого не показать.

— Письмо от моего обожаемого мужа?! Оно у вас?!

Так, и глазами захлопать. Если делать это быстро и приоткрыть рот, выйдет лицо полной идиотки. Лилия точно знала по той жизни.

Мужчина явно купился. Что бы ни наговорил ему Джес Иртон, он ведь не знал про изменения... А докладывать ему Лилия не собиралась.

Надо прочесть письмо и до вечера подумать про количество и качество лапши на уши.

И отчет!!!

Эдор, скотина, чтоб ты еще раз сдох! Где я тебя искать буду?!

Ладно, покопаемся как следует в кабинете. А то до изгнания Эдора она опасалась, мало ли что. А после изгнания времени не было.

Лиля кивнула. И обратила внимание на последнего прибывшего.

— Ваше сиятельство, разрешите представиться?

— Разрешаю.

— Меня зовут Тарис Брок. Я прибыл с письмом и подарком от вашего отца.

Лиля изобразила восторг и захлопала в ладоши.

Дверь столовой распахнулась.

— Госпожа! — Эмма была торжественна и величественна. — Завтрак подан!

Лиля кивнула:

— Прошу вас, господа, разделить со мной мою скромную трапезу. Здесь, в глуши, я рада любому новому человеку.

Учителя были искренне удивлены. Но согласились. Да, для графини такое поведение несвойственно. Но эти люди могут ей пригодиться. Так что будем играть в демократичную графиню. А роль Малюты Скуратова за спиной исполнит Лейф. Когда прибудет. С его доброй улыбкой и нежным взглядом...

Лиля уселась во главе стола и даже успела проглотить несколько ложек овсянки, когда прибежала Ирэна с известием, что молодая графиня «очень громко кричит». Лиля вскинула брови и отправилась умирять малявку. Что ее там — подушкой прищемили?

Все было намного грустнее. Малявку прищемили кормилицей и няней. Та квохтала и хлопотала вокруг дитятка, а дитятко швыряло подушки и орало уже в голос.

Секунд пять Лиля наблюдала, а потом перешла к активным действиям. И кивнула замершей в углу Лидии на кормилицу:

— Убрать.

Девушки подхватили тетку с двух сторон и вытащили из комнаты, прежде чем та опомнилась. Лиля подобрала подушку и метко забросила обратно на кровать. Та приземлилась рядом с малявкой. И Миранда от неожиданности закрыла рот.

— Ты хочешь подраться подушками? — Лиля словно не видела в ситуации ничего страшного. — Давай вечером, а то нас ждет завтрак и поездка в деревню, к кузнецу.

— Зачем?

— Мы же хотели колокольчики заказать. Или ты уже не хочешь?

Подмастерье кузнеца Лиля сегодня еще не видела. Но подзревала, что замковую кузницу он еще не обжил.

Да, была и такая на заднем дворе.

Там был целый хозблок. И кузница в том числе. Только по назначению ничего не использовалось. Скотный двор в три коровы. И те — так себе. Птицы мало, коптильня паутиной заросла.

Короче, если бы Лиля тогда знала то, что знает сейчас, она бы Эдора не выгнала. Она бы гада за ноги на воротах подвесила!

— А занятия...

— А с учителями я поговорю. Я с ними уже познакомилась.

Миранда тут же надулась.

Лиля подмигнула ей:

— А хочешь, будем учиться вместе?

— Вместе? Но ты же уже большая?

— И что? Так будет интереснее, правда?

— П-правда...

— Тогда умывайся, и надо одеваться. Ты чего раскричалась с утра пораньше? — Лиля поглядела на девушек, и те унесли за тазиком и горячей водой.

Миранда засопела:

— А чего она?

Суть вопроса стала ясна через три минуты. Девочка не хотела читать утреннюю молитву. А няня полагала это совершенно необходимым.

Лиля пожала плечами:

— Давай сделаем так. Альдонай все равно наблюдает за нами, так?

— Д-да.

— Поэтому если ты утром скажешь ему: «Я знаю, что ты сотворил этот мир, и благодарна тебе», — этого хватит.

— Да?

— Честное слово.

Миранда кивнула.

— А умываться зачем?

— А чтобы быть красивее. Надо умываться и приговаривать: «Водичка, водичка, умой мое личико, чтоб глазки блестели, чтоб щечки краснели, чтоб смеялся роток и белелся зубок», и вырастешь невероятно красивой.

— Папа говорит, что я и так самая красивая.

— Красоте пределов нет. — Лиля смешно надула щеки и огладила себя по бокам. — Видишь, как меня много? И это все — чистая красота!

Миранда хихикнула:

— Ты смешная.

Вместо ответа Лиля слегка шлепнула малявку подушкой.

Умывание прошло весело. Вот полы немного залили, ну да черт с ними. Уберут.

Одевание — тоже. Но Лиля еще раз уверилась, что малышке нужны новые вещи. То, что было, рассчитывалось на парадное гуляние по паркету. И дома. Богатое, дорогое, расшитое золотом и уляпанное украшениями. Нам бы чего попроще, для деревни...

— Ты верхом ездить умеешь?

— С папой.

— А со мной рискнешь?

— А ты умеешь?

— Главное, что лошадь умеет.

Приручение ребенка шло полным ходом. Миранда просто очаровалась своей мачехой. Лиля не ругалась, не кричала, и с ней было интересно. Это было самым главным.

В деревню Лиля решила пока не ездить. Кузнец подождет. Потом. Вот придут вирмане...

А колокольчики можно и своему кузнецу заказать.

Пока Миранда ела, Лиля решила побеседовать с Ширви Линдтом. И первым делом попросила письмо от супруга.

Осмотрела печать на толстом конверте. И кивнула.

Герб Иртона она уже знала. Белый лебедь на зеленом фоне держит в клюве зеленую ветвь. Красиво. Потому и цвета такие.

Надо бы отбелить пряжу и связать себе махровую кофточку. Пушистенькую такую... Она сможет. Хотя... это Але было к лицу. А Лиле лучше что-то гладкое и без пушистиков. Габариты не те.

Линдт вышел, оставляя графиню наедине со словами законного благоверного.

Лиля сломала печать и начала читать письмо.

М-да.

Оно и к лучшему, что читать получалось только по складам. А то порвала бы мерзкую писульку к чертовой матери!

«Жена! — писал его утонченное сиятельство.

Я приеду не раньше следующей весны. Или лета. Надеюсь, с ребенком все благополучно и ты исполняешь свой долг по его вынашиванию. Постарайся доносить его до срока. Докторус Крейби поможет тебе. Я написал Эдору, он сделает все для твоего удобства. Направляю в Иртон свою дочурку Миранду Кэтрин. Полагаю, вам интереснее будет зимовать вместе. Позаботься о ней как следует, приеду — строго спрошу. Ширви Линдт — мое доверенное лицо. Можешь попросить у него все необходимое для тебя и ребенка.

Джерисон, граф Иртон».

Вот так.

Лиля положила листок на стол. Придавила края руками.

Спокойствие, девочка, только спокойствие.

Даже утонченный поэт Пушкин писал Наташе Гончаровой в деревню: «Что, женка, ты опять брюхата?» Или как-то так. Ей подруга-филолог рассказала. После этого Аля бросила читать Пушкина раз и навсегда. Нехороший человек! Какой-то швабре: «Я помню чудное мгновенье...». А родной жене? Которая за тебя, обезьяна африканского, замуж вышла? Ведет хозяйство, рожает детей...

И Джес Иртон не лучше.

«Янки при дворе короля Артура» все читали?

У приличного рыцаря была жена — одна штука, дама серд-

ца — одна штука. И куча баб по тавернам. Где множество стремится к бесконечности. Или как-то так. Алгебру Лиля помнила плохо. Не больше, чем нужно, чтобы рассчитать нужную дозу для инъекции.

Да не в алгебре дело. А в том, что мужу на нее плевать.

И пусть!

Мы переживем.

Но учти, Джерисон, граф Иртон, если ты не уделяешь внимания жене, не удивляйся, когда на организме начнут расти рога. Пока мне не до того. Но...

Интересно, сколько кальция в организме средневековых графьев?

Письмо было перечитано еще раз шесть. Из полезной информации ровно три слова — «я написал Эдору».

Ага. Письмо надо забрать. И прочитать руководящие указания. Да и отписаться тоже.

Остальное — фигня. Козе понятно, на жену плевать. Ребенка роди и хоть подохни. Сукин сын!

Лиля вдохнула, выдохнула и заставила себя успокоиться. Супружник далеко. До него пока не добраться. Хотя к счету прибавилась еще одна костяшка. Веская такая, как гирька... пудовая... чугунная... это потом. И мечты уронить ее мужу на ногу — тоже.

Вот что делать с доверенным?

Лиля почесала нос.

А что с ним делать? Вариантов два.

Или он становится ее человеком, или он становится пленником в Иртоне. А Лиля от его имени пишет мужу докладные записки. Потому что на кой хвост ей такое счастье.

Лиля представила себе это в красках:

«Ваше сиятельство, ваша жена потеряла ребенка, зато приобрела громадное шило в заднице. Простите, неумеренную двигательную активность. Она носится по всему Иртону, переписывается с купцами, наняла на службу вирман, и вообще тут происходит чего-то странное...»

Реакция мужа?

Ну с вероятностью девяносто два процента, он примчится сюда.

Семь и девять десятых процента на то, что ей напишут, за-

прещая все инициативы, и пришлют вагон надсмотрщиков. Чтобы и лапкой не дернула.

И одна десятая процента на то, что Джерисон Иртон оставит все без внимания. Хотя куда там! Сотая! И даже тысячная! Ваша жена в вашем доме мутит что-то непонятное, а вам все по барабану?

Не верю!

Лиля покусала губы.

Надо потянуть время. До прибытия вирман. Или поговорить с Иваром?

Вот и план уже вырисовывается. Охранников не отпускаем. Самой нужны. Или наоборот? Избавиться от них до прибытия вирман? Но как? Шел отряд строем по двору и упал в колодец? Весь? Волки загрызли?

Как можно избавиться от пары десятков военных? Которые с мечами не растаются. Не травить же их оптом? Хотя и это не проблема. Надо поговорить с мальчишкой-травником. Но... не хотелось бы брать такое на совесть.

Ладно. Подумаем и придумаем, что и как.

У Ширви пока ничего не просим. Говорим, что нужно подумать. Пусть подождет. Главное, чтобы не сбежал.

С другой стороны, это вам не Германия с автобанами. Это Ативерна с разбойниками и прочими радостями. И ездить по дорогам в одиночестве тут будет только камикадзе.

Одни волки чего стоят.

Лиля в задумчивости покусала ноготь. М-да. Вот как избавиться от вредной привычки, если нервничаешь? Обстричь под корень? Медиком она так и делала. А графине приходится демонстрировать манеры и маникюр.

Итак.

С мужем ясно. До весны его тут не будет. Так что надо наращивать мощность. И с отцом бы хорошо связаться.

С военными — поговорить с командиром. И выяснить, как он отнесется к вирманам. И к перспективе работать под его командованием. Ибо чужих людей ей не надо. И даром не надо, и с доплатой не надо, как говаривала когда-то мама...

На глаза навернулись слезы. Но Лиля не позволила им пролиться.

Так, не злись.

С вояками решили. Остаются при условии полного под-

чинения. Ей и Лейфу. А не нравится — к черту! Могу даже до-рогу указать.

С Ширви? Это не солдат. Это доверенное лицо. То есть его спихнуть хоть к черту на рога, но как можно скорее. Если сейчас отдаст письмо управляющему, то останется цел. Не отдаст? Организую визит дружелюбного привидения в розовом балахоне... Заикаться начнет!

— Ширви!

Доверенный словно за дверью ждал... Хотя, может, и ждал? Появился мигом.

И Лиля протянула руку:

— Письмо.

— Простите, госпожа графиня?

— Альдоной простит. Письмо для управляющего.

Именно таким тоном когда-то дрессировал ее тренер: «Подтянуться пятьдесят раз. Как — нет? Семьдесят!»

Ширви оказался покрепче десятилетних салажат:

— Господин граф приказал мне отдать его лично в руки управляющему.

— Эдора нет. А я — есть. Вы считаете, что я стою ниже управляющего?

Лиля тихо порадовалась, что дверь закрыта. Авось никто и не подслушает.

Лицо Ширви приобрело этакое выражение «баран упертый упершийся».

— Ваше сиятельство, господин граф приказал мне отдать письмо лично в руки управляющему...

Лиля вдохнула. Выдохнула. Поглядела на мужика.

На морде написано: «господин граф всегда прав. Я повинуюсь господину графу. Господин граф — истина в последней инстанции».

Теоретически можно ему настучать по тыкве. Отобрать письмо, уговорить, уломать... Но добровольно фиг он чего отдаст.

Лиля кивнула:

— Что ж, я понимаю вашу верность долгу. Но и вы поймите, управляющего сейчас нет. Так что предлагаю вернуться к этому разговору позднее. Возможно, мы напишем письмо господину графу и получим от него новые указания.

На лице Ширви появилось выражение тихой радости. Он

явно опасался, что госпожа графиня начнет настаивать, закатит истерику... Лиля бы не постеснялась, но вот беда, она — *хозяйка*.

Так что обязана рычать и командовать.

Почему генералы не бегают?

Да потому, что в мирное время это вызывает смех, а в военное — панику.

Вот и она не должна закатывать истерики.

Лиля отпустила товарища и позвала к себе старшего из вирман. Пожаловаться, что народ совсем от рук отбился. Мол, не уважает, не слушается, письмо не отдает. И надо бы его того-с... воспитать. Чтобы жив остался, но сильно об этом пожалел.

Ивар выслушал Лилину версию событий с абсолютно спокойным лицом.

Оказалось, что можно.

Насчет тюрем он не знает. А вот «пыточная» и несколько камер в замке имеются, а то как же! Без этого в наше тяжелое время никуда.

Лиля только головой покачала. У нее вот руки не дошли, а вирмане тут сутки, и уже все знают. Хотя... Они-то знали, что искать. А ей эта мерзость не нужна.

Была.

Пытать Ширви Лиля не собиралась. Но вот в гостях ему задержаться придется.

— А потом вы с ним что сделаете? — Ивар интересовался очень... профессионально. Как мясник. — Каким способом убивать будем?

Лиля задумалась. А ведь правда.

Управляющего волки загрызли. Ну тут никто не спорил, ибо гад был.

Доверенного волки загрызли.

А если и сам граф приедет? Мало ли, не найдут они общего языка? И будут по лесу бегать волки с оригинальной диетой?

Ой неубедительно...

Похоже, эти раздумья отразились на Лилином лице, потому что Ивар кивнул:

— Госпожа графиня, я его могу хоть сейчас... Так вы ж с гнева...

Лиля согласилась.

С гнева. Это он правильно подметил.

Вообще, с вирманами Лиля сошлась довольно близко. Военные люди, они быстро поняли, что Лиля на происхождение не смотрит и со всеми обращается не по званиям, а по заслугам. Вирманам это нравилось. А чиновничество у них отродясь развито не было. Вождь — и тот выбирался не по наследству, а по проявленным способностям.

И сейчас Ивар осторожненько так пытался дать понять графине, что доверенного придется убить, ежели что не так пойдет. А сколько может быть свидетелей его смерти?

Нет. Одного уже на смерть отправила, не вытряхнув всю информацию. Больше она такой ошибки не сделает.

— Ты прав. Я еще до вечера подумаю и решу. А пока его не трогайте.

— Как прикажете, госпожа.

Лиля попросила позвать к ней Тариса Брока и приготовилась ко второму разочарованию в жизни. Небось отец под стать супругу.

Письмо от отца было увесистым.

А когда Лиля развернула пакет, из него выпала большая шкатулка. И ключик. Красивый такой, на тоненькой цепочке.

С них Лиля и начала. И присвистнула. Это она уже могла оценить.

Папа прислал ей в подарок шкатулку с кучей приправ и благовоний. Ценная вещь. Пусть благодарный Али уже обеспечил ее и тем и другим. Но цены она знала.

Такая шкатулка тянула на несколько десятков золотых.

— А еще господин прислал вам несколько отрезков бархата. И шелка. И тонкую кожу на сапожки. И меха...

Лиля кивнула. И вскрыла письмо.

У Августа Брокленда герб был попроще. То есть пока вообще без герба. Просто печатка в виде баронского щита. И на ней две звезды.

Титул пока еще ненаследуемый. Его получали два поколения. Сначала дед Лили. Потом сам Август. А вот она... А

она удачно вышла замуж. Аж за графа. Других наследников нет, так что...

Интересно, а женщинам здесь дают дворянское достоинство?

Лиля только вздохнула. Технически, если бы давали, она могла бы получить и стать леди Брокленд.

Хотя что теперь об этом? Она — графиня Иртон. А если дражайший супруг будет мешаться, она станет вдовой графа Иртона. И совесть ее не замучает.

«Дорогая моя дочурка!

Надеюсь, у тебя все благополучно. Посылаю тебе небольшой подарок. До меня дошли слухи, что ты в тягости, — верно ли это? Напиши, если тебе что-нибудь нужно. Мой доверенный постарается доставить тебе все необходимое.

Любящий тебя отец».

Лиля вздохнула.

Вот так вот.

Тоже ни слова о ее душевных переживаниях. С другой стороны, а что удивительного? Женщина — это же почти как табуретка. Или штаны. Собственность. И никаких переживаний.

Жива? Отлично!

Здорова? Шикарно!

Размножаться собираешься? Цены тебе вообще нет. Никакой...

Лиля вздохнула.

Но — оно и к лучшему.

Если отец не слишком откровенничает в письмах, можно предположить, что дочку он любит, но ее внутренний мир особо не исследовал. Подарки — это отлично. Это как раз свидетельствует о родительской любви. Или отец от нее откупается?

Нет, вряд ли.

Лиля положила себе проглядеть все бумаги, которые найдут в замке, то есть пергаменты, и посмотрела на Тариса.

— Уважаемый Брок, у меня будет к вам поручение. Съездить в один городок по соседству и отвезти мое письмо ювелиру-эввиру. Его зовут Хельке Лейтц. Возьмете все, что он пожелает передать моему отцу. И поедете отвозить мой ответ.

Если Тарис и удивился, то виду не подал.

— Как скажете, ваше сиятельство. Что это за город?

— Крепость Альтвер.

— Когда прикажете выезжать?

— Как можно скорее, — и в блондинистой головке мелькнула коварная мысль. — Я отправлю с вами солдат, чтобы вас охраняли в пути. Тех, которые вас уже сопровождали. Надеюсь, вы поладите?

И мысленно: «А вот Ширви останется один на один с кодой вирман... Тут-то я до тебя и доберусь. Или...»

— Ваше сиятельство, вы очень любезны.

— Завтра я отдам вам письмо.

Лиля вежливо наклонила голову, давая понять, что можно удалиться.

И задумалась. Интересно, а что этот скажет отцу? Спросит, почему выставлял дочь истеричкой? Скажет, что Лиля — исключительно разумная женщина?

Все может быть. И что тогда сделает отец?

Либо напишет еще пару писем, либо приедет сам. Может быть и то, и другое. А вот как с ним общаться?

Вообще, можно списать все на выкидыш. Горячку. И родильный бред. Почему бы нет? Я была дурой, но, потеряв ребенка... Вот если бы я его не потеряла, если бы я раньше помнела... «Я нэ оправдала оказанного мнэ високаго давэрия»... И кепочку на затылке в стиле незабвенного водителя товарища Саахова.

Лиля задумчиво потеревила косу. Надо перекопать все сундуки в кабинете. И найти письма отца. Прочитать, написать свое... Так, визит к кузнецу откладывается.

— Ты тут? А когда мы кататься поедем?

Мелочь ворвалась в кабинет. Лиля, не растерявшись, поймала ее за шкирку.

— Стоять! Бояться! Не чихать!

— Не чихать?

— Ага. И глазами не хлопать. Значит, так, ты в этом собираешься куда-то ехать?

Миранда посмотрела на свое роскошное платье. И Лиля подмигнула ей.

— Нет уж. Тебе нужно что-то попроще. Чтобы можно было валяться в грязи, прыгать с лошади, лазить по деревьям, стрелять из рогатки...

— Что?
— Ну из рогатки стрелять. Ты не стреляла?
— Нет. Кальма говорит, что это не подобает юной леди.
— А я важнее Кальмы?
— Ты графиня. И я тоже графиня.
— Вот. И я говорю, что ты обязана все это проделывать. А если будешь умницей, я тебя еще и драться научу.
— Но благородной даме...
— А благородную даму никто в жизни не дразнил? — прищурилась Лиля.

Миранда понурилась. Явно было дело. Лиля ухмыльнулась:

— В таких случаях благородной даме надо искать благородного защитника, так?

— Да.

— Но сразу ты его не найдешь. Правильно?

— Д-да....

— А пока он придет, обидчик уже удерет. А я тебя научу так, чтобы один удар — и с ног долой. И небо в попугаях.

— А ты умеешь?

— Графиня должна многое уметь. В том числе и это.

— Зачем?

— Потому что ты — главная на этих землях. Ты отвечаешь за живущих здесь людей. И ты должна уметь защитить и их, и себя.

Кажется, этого девочке никто не говорил. Но, глядя на восторг на замурзанной после завтрака мордашке (овсянка, мед, варенье и что-то еще), Лиля поняла, что поступает правильно. Нет, девочка еще будет капризничать. Орать, биться в истерику, но главное ясно.

Ей — скучно.

Миранда Кэтрин — активный живой ребенок. Который дольше десяти минут на одном месте сидеть не может. А ее заставляют соответствовать образу знатной дамы. Ходить медленно, держаться с достоинством, и вообще быть сухой воблой, типа учительницы манер. Запрещено практически все. А энергия-то бродит. Гуляет и выплескивается наружу. Отсюда и истерики. И скандалы. И прочие радости. А вот если вымотать девчонку до предела... Надо попробовать.

Лиля подмигнула девочке:

— Сейчас мы сходим и снимем мерки. Нам пошьют костюмы для верховой езды. А пока это сделают, мы займемся важным делом.

— Каким?

— Мы будем наводить беспорядок и свинячить.

Миранда только глазами хлопала. Обычно ей говорили: «Графиня, не пачкайтесь, не бегайте, не деритесь... не... не... не...» А Лиля предлагала ей что-то веселое и интересное. И девочка с радостью отправилась за ней к швеям.

По дороге Лиля шикнула на учителя танцев, заявив, что все занятия начнутся с завтрашнего дня, поиграла с Мирандой в догонялки и уронила тяжеленную вазу. Ну и пусть. Все равно металл так просто не повредишь.

Девочки сидели у себя в комнате. Все трое. И что-то прикидывали с куском желтой ткани. Лиля помахала им рукой, получила в ответ три поклона и улыбнулась:

— Девочки, мне и вот этой ушастой мелочи...

— Я не...

— Хорошо, безухой мелочи нужны костюмы для верховой езды.

— Какие, ваше сиятельство?

— Такие, чтобы сидеть в седле по-мужски, — Лиля обозрела четыре пары округлившихся глаз и ухмыльнулась: — Все будет более чем пристойно, не думайте. Где у нас тут береста?

Лиле пришла в голову обычная юбка-брюки. Широкая?

Да.

Ног не видно, то, что это брюки, тоже не видно. И что самое приятное — полная свобода движений. Перешить это тоже несложно. Сделать пояс на утяжке, чтобы можно было потуже завязывать, и жить спокойно. Килограмм двадцать она сможет скинуть свободно. А потом немного перешить — и сбрасывать следующую двадцатку.

— Смотрите, что надо сделать.

Лиля быстро набросала чертеж. Объяснила устройство пояса. Казалось бы, что сложного — подвернуть край, зашить и продеть внутрь веревку. Но ведь не додумались.

Кстати, пряжки для пояса. Она много видов знает. А их можно красивые сделать. Надо зарисовать для Хельке. Не забыть. Но сначала — письмо отца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> О родственниках можно и нужно сказать многое... а то на бумаге цензура вымарает!	5
<i>Глава 2.</i> Свят-свят-свят...	63
<i>Глава 3.</i> Взгляды со стороны не всегда равны.	141
<i>Глава 4.</i> Африка, Африка... африкан? Обезьян?	195